

Когда Ду Ицзэ рассказал об этом своей матери, матушка Ду пришла в ужас. Она металась по комнате, как муха без головы, на лице отражалось беспокойство, а в глазах горел огонь:

— Как это могло произойти? Как он мог так поступить?

В тот вечер отец Ду как раз вернулся со стройки. Ду Ицзэ сообщил ему лишь о результате, не вдаваясь в подробности, как это было с матерью. Отец Ду был похож на вулкан, наполненный лавой и готовый вот-вот извергнуться. Его глаза горели гневом, на лбу вздулись вены, а зубы сжимались так, что дрожали:

— Как это могло произойти?

Ду Ицзэ взглянул на мать с мольбой о помощи, но та искра гнева, что была в её глазах, уже исчезла. Она робко шевелила губами:

— Он ударил директора.

Отца Ду вытащил его на улицу, прижал к бетонному полу в подъезде, снял с него рубашку и начал бить по голой спине прутьями от бамбукового веника. Отец кричал, что вырастил «белокурую ворону», называл Ду Ицзэ «скотиной, которая возомнила о себе», ругал, что он «всю учёбу в одно место засунул». Шум был таким громким, что встревожил всех соседей на этаже. Видя, как всё больше людей выходит из квартир, а некоторые даже пытаются вмешаться, матушка Ду зарыдала, обхватив ноги мужа:

— Не бей ребёнка на улице, давай разберёмся дома!

Прутья веника были грубо связаны, концы не зачищены, и каждый удар оставлял на коже красные полосы, некоторые из которых уже проступали капельками крови. Он лежал на полу, сжав кулаки, не издавая ни звука и не сопротивляясь, лишь слушая, как в воздухе раздаётся свист прутьев — это был не звук, рассекающий воздух, а звук ударов по его позвоночнику, по его голове.

В этот момент бабушка Ли открыла дверь своей квартиры. Ли Миньюй стоял за ней. Он посмотрел на пол: Ду Ицзэ лежал лицом к их двери, а следы на его спине, подобно рельефу, отчётливо вздулись и покраснели.

В характере Ду Ицзэ была упрямая, бычья жилка, и Ли Миньюй это почувствовал тогда, даже не встретившись с ним взглядом и не зная, о чём тот думает. Если бы не вмешательство, Ли Миньюй был уверен, что его бы забили до смерти.

Бабушка Ли шагнула вперёд и схватила веник из рук отца Ду:

— Да как ты смеешь!

Отец Ду, вне себя от ярости, попытался вырвать веник обратно:

— Я отца воспитываю, какое тебе дело?

Бабушка Ли, потянутая им, сделала шаг вперёд, но тут же выпрямилась, устояла и схватила веник второй рукой:

— За какую такую великую вину ты его так бьёшь?

Отец Ду не успел ответить, его прервал скорбный вопль матушки Ду:

— Это семейное дело! — она кричала хриплым голосом. — Хватит бить — хватит! Неужели нельзя всё обсудить дома?

В этот момент Ли Миньюй выскользнул за дверь и быстро поднял Ду Ицзэ с пола.

Он не знал, что раны нужно сначала промыть, прежде чем наносить лекарство, и просто достал из ящика с нитками коробку просроченного порошка и начал намазывать его на спину Ду Ицзэ.

Взрослые снаружи всё ещё спорили, а Ду Ицзэ, покрытый пылью, сидел на кухне. Ли Миньюй не видел глубоко спрятанных в его глазах эмоций и думал, что тот просто подавлен.

Ли Миньюй насыпал немного порошка на ладонь, и красные полосы на спине Ду Ицзэ тут же покрылись маленькими отпечатками его пяти пальцев. Нанося лекарство, он возмущался:

— Почему твоя мать тебе не помогла? Разве мольбы — это помощь? Разве держать отца за ноги — это помощь? Моя мать лучше бы поступила!

— Ничего, — сказал Ду Ицзэ. — Всё равно ничего бы не изменилось.

Глядя на ужасные шрамы на его спине, Ли Миньюй искренне восхищался им: столько ударов, а он ни разу не закричал.

— Будь у меня хотя бы половина твоего ума, моя мать бы от счастья проснулась. Почему твои родители не знают меры?

Ду Ицзэ пошутил:

— Может, поменяемся?

Ли Миньюй скривился:

— Да ну, я не хочу, чтобы меня били. А ты бы не захотел быть таким, как я.

— С чего ты взял, что я не захотел бы быть таким, как ты?

— Тьфу, ты бы смог терпеть, когда эти пуканы зовут тебя «Ду Маленький Дикарь»?

— А ты разве терпишь?

— Я хотя бы могу дать сдачи, а ты — нет, ты только получаешь.

Ду Ицзэ услышал это и рассмеялся.

В то время у Ли Миньюя среди одноклассников было другое прозвище. Исходную версию уже не вспомнить, что-то вроде «дикарёнок» или «безродный», но после многих лет употребления оно превратилось в «Ли Маленький Дикарь».

— Ли Маленький Дикарь, почему твоя мать такая старая и страшная?

— Ли Маленький Дикарь, твоя мать, наверное, шлюха, поэтому отец тебя бросил?

— Ли Маленький Дикарь, так у тебя и матери-то нет! Тьфу — вот несчастный!

— Врёшь! — Ли Миньюй хватал их за воротники и колотил. — Ты что, пукаешь? Весь день только и делаешь, что пукаешь?

Ли Миньюй выбрал на спине Ду Ицзэ неповреждённый участок кожи и легонько шлёпнул:

— Ты не смей так меня называть, иначе «изобью без разговоров».

— Почему нельзя? Мне кажется, это довольно мило.

— Кто милый? Кого это ты обзываешь?

После смеха Ду Ицзэ спросил:

— Тебе совсем не интересно, где твои настоящие родители?

— Неважно, — Ли Миньюй презрительно закатил глаза. — У меня слишком много важных дел: есть, спать, ходить в школу, делать уроки. В жизни не так уж много важного и неважного. Что может быть важнее самой жизни?

Часто Ду Ицзэ хотел бы быть таким же беззаботным, как Ли Миньюй.

Хотя много лет спустя он наконец осознал, что жизнь действительно — самое главное, и после

бесчисленных лет ударов и падений он тоже выработал в себе такую же беззаботность, превратившись в топового убийцу, способного безжалостно калечить товарищей по тренировкам, и даже мог, сидя на крыше дома напротив с винтовкой, навести прицел на точку между бровей своего отца.

На следующий день после побоев отец Ду потратил свою месячную зарплату, чтобы купить в городке пачку сигарет.

Родители Ду Ицзэ вместе встали на колени перед директором в его кабинете и поклонились ему ему в ноги. Шторы не были закрыты, за окном сновали люди, и меньше чем за полдня эта история облетела всех учителей.

Отец Ду прижимал голову сына, заставляя его, как часто бывало в шкафу, касаться лбом пола.

Отец Ду поспешно извинялся перед директором, объясняя ситуацию в семье. Директор, утопая в мягком офисном кресле, потер переносицу:

— Господин Ду, в этом нет ничего особенного. Знаете, сколько учеников в школе из таких же семей, как ваша? — Он указал на свой целый нос. — Кроме того, если бы ваш сын сломал мне нос, я бы мог сразу отправить его за решётку.

Отец Ду опешил, тут же выдал череду «простите-простите-простите», трижды стукнулся головой о пол, а затем внезапно пнул Ду Ицзэ в поясницу.

Ду Ицзэ перекатился по полу. Он медленно пришёл в себя, не успев подняться, как получил несколько тяжёлых пощёчин. Из носа тут же хлынула кровь, в ушах зазвенело.

Матушка Ду даже не посмела поднять глаза, в них был только ужас. В конце концов, даже директор не выдержал. Он убрал сигареты в ящик стола, махнул рукой и сказал:

— Если сын не воспитан, в этом вина отца. Вы должны хорошо исполнять родительские обязанности. Ребёнок может быть несмышлёным, но разве вы тоже несмышлёные?

Ду Ицзэ не исключили из школы, но он лишился права на получение стипендии.

Последней каплей стало то, что его классный руководитель, воспользовавшись отсутствием других учителей, вызвала его в кабинет и с участием спросила:

— Что же на самом деле произошло? Все говорят, ты ударил директора.

Ду Ицзэ покачал головой.

— Ты отличный, умный ученик, учитель очень хочет тебе помочь. Но если ты ничего не скажешь, я ничего не смогу сделать.

— Вы ничего не сможете сделать.

— Откуда ты знаешь, что я не смогу? Вдруг я смогу за тебя заступиться?

Услышав это, Ду Ицзэ поднял голову и пристально посмотрел на неё:

— Вы верите мне?

— Конечно, я верю тебе. Ты же не тот ученик, что любит драться.

Ду Ицзэ помолчал некоторое время и в конце концов рассказал ей обо всём, что произошло.

<http://bllate.org/book/15266/1347226>